

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра истории русской литературы

Мгновение как сюжет

Тверь 2017

УДК 821.161.6.09(082)
ББК Ш5(2+411.2)-34
М 90

Мгновение как сюжет: Статьи и материалы / Ред. – сост. С.А. Васильева, А.Ю. Сорочан. — Тверь: Издательство М. Батасовой, 2017. — 360 с. (Время как сюжет; Вып. 5).

В издание включены статьи и сообщения, посвященные анализу сюжетного потенциала времени в литературе и искусстве. В центре внимания участников проекта — различные модели фиксации «мгновения», художественные формы воплощения мельчайших отрезков времени.

ISBN 978-5-9909266-5-3

© Авторы статей, 2017

© Издательство М. Ю. Батасовой, 2017

А.Ю. СОРОЧАН

МГНОВЕНИЕ В СИСТЕМЕ КОНТИНУАЛЬНЫХ И ДИСКРЕТНЫХ МОДЕЛЕЙ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

Автор данной статьи рассматривает категорию «мгновение» в контексте континуальных и дискретных моделей темпоральности на разных уровнях.

Ключевые слова: мгновение, континуальность, дискретность, сакральное, С. Зенкин, Б. Дубин

Мгновение в терминологии, предложенной Б.В. Дубиным, «принадлежит к числу «диагональных» понятий, пересекающих различные дисциплинарные поля», почему «необходимой и даже неизбежной становится интеллектуальная история этого понятия»¹.

Мы эту историю реконструируем в терминах светской культурной традиции (даже когда говорим о религиозных текстах). И обсуждая метаморфозы мгновения, мы чаще всего сталкиваемся с двумя темпоральными моделями – континуальной и дискретной. В одной системе, кажется, мгновению нет места: есть непрерывность, и поиск в этой непрерывности мгновений представляется бессмысленным делом. Однако вдумаясь: дискретность нашего понятийного мышления приводит к фиксации мгновений. Но сакральный опыт, несомненно, континуальный, требует описания неуловимого мгновения. «Континуальность (непрерывность) – древнее понятие, получившее и получающее очень разнообразные осмысления. Вслед за Аристотелем его долгое время применяли натурфилософы, имея в виду полноту и изобилие мира, где между классами существ, от косной неживой материи до верховного божественного духа, нет разрывов и пустот – вместо них плавные переходы, заполняемые промежуточными созданиями: так называемая «Великая цепь бытия»². Несводима к логике дискретных элементов и телесность; история тела состоит из мельчайших временных отрезков, и для дискурса телесности проблема мгновения остается одной из ключевых. Мы можем утверждать, что мгновение сопротивляется «историческому» истолкованию и принадлежит

¹ Зенкин С.Н. Небожественное сакральное // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 325.

² Батай Ж. Проклятая часть. М.: Ладомир, 2006. С. 15.

**МГНОВЕННОЕ И ВЕЧНОЕ В КОНЦЕПЦИИ ЖИЗНИ
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАННЕЙ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЯ)**

В статье методами проблемного и мотивного анализа ранней прозы Леонида Андреева в контексте писательской концепции жизни рассматривается взаимодействие и соотношение в его творчестве понятий «мгновение» и «вечность».

Ключевые слова: мгновение, вечность, миг, бесконечность, жизнь, противопоставление, концепция, мотив, Л. Андреев.

Определяя свою писательскую устремленность как попытку решения проблем бытия¹, Леонид Андреев остро ставил вопрос о тупиковости человеческого существования, невозможности веры в Бога, но необходимости этой веры, непримиримости этих двух «не». Он до экзистенциалистов сказал об абсурдности человеческого бытия, о вброшенности в мир и одиночестве, о слабости человеческого существа, но с пониманием и сочувствием к человеку.

Андреев писал, что поверить в Бога он не может, но что непременно должен быть хоть какой-то ответ на мучительные вопросы существования, иначе невозможно – знать, что ты родишься и умрешь, когда нет смысла, нет высшей истины, цели, оправдания, когда жизнь человека – ничтожная часть бесконечного космоса, незаметное мгновение в вечном течении времени.

Закономерно мотив рока стал одним из главных лейтмотивов творчества Андреева. Большинство героев его произведений не могут ничего противопоставить внешним силам, действующим против их воли и определяющим их жизнь. Это бессилие делает существование человека тяжелым испытанием. Показательны в этом отношении две записи в дневнике Андреева от 1897 и 1898 годов: «Брошена на землю горсть людей — живи, как знаешь»² и «Дрянь жизнь».

¹ См. подробнее: Беззубов В. И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин, 1984. С. 86.

² Андреев Л. Н. Дневник. 1897-1901 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 108.

ка. Каждая зима начинается всемирным потопом; каждое лето – пожаром».¹

Диалектика мига и вечности в культуре Серебряного века выказывает поразительную близость буддийскому мировосприятию. Мир – поток дхарм, постоянно изменяется. Но эти изменения так незначительны и микроскопичны, что осознаются не сразу, а спустя некоторое время. Философия мгновения ставит перед символистами проблему реальности существующего мира и собственного Я, но это уже проблемы, выходящие за рамки данной статьи.

Philosophy of instant widespread among the Symbolists. In Buddhism, the doctrine of instantaneous (kshanikavada) calls a man to cherish every moment, "to live here and now", because the world is a stream of dharma, constantly changing its composition in accordance with the law of karma. The popularity of oriental philosophy in the culture of the Silver Age promoted the formation of a reverent attitude to each moment of life that was reflected in the works of the Symbolists. At the turn of the century people realized the limitations of sense perception and felt like not the crown of creation, but only a stage, a transitional form to the superman. Feelings are deceptive. Changes are constant, but due to their microscopic, they understood immediately. The world the moment.

Key words: Silver age, symbolism, Buddhism, kshanikavada, Russia - East, Balmont, Bryusov, Voloshin.

Об авторе:

ШАХМАТОВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, кандидат искусствоведения, доцент кафедры философии Государственного университета управления (Москва).

¹ Мережковский Д.С. Тайна Запада: Атлантида Европа. М.: Республика, 1999. С. 159.

Возмутительная нелепость, несправедливость и подлость. Находишься во власти каких-то стихийный сил, плачешь, радуешься, страдаешь без конца»¹.

Картины тяжелой, несчастной, бессмысленной жизни встречаются во многих рассказах Андреева. Тщетны усилия героев рассказа «Стена» сломить стену, отделяющую их от иной, лучшей жизни. В «Прекрасна жизнь для воскресших» все надежды, мечты, вера и любовь человека, не успев прийти в его жизнь, уходят, образуя кладбище в его душе. Самое страшное для героя рассказа «В подвале» — осознание, «что пришел новый день и скоро нужно вставать, чтобы бороться за жизнь без надежды на победу»². Герои рассказов «У окна» и «Город» боятся жизни и людей, бегут от них в поисках своих «футляров».

В «Весенних обещаниях» Андреев сталкивает два противоположных взгляда на жизнь, которые находят свое инсказательное выражение в игре героев на церковных колоколах в пасхальную неделю. В руках звонаря Семена колокола радостно переливаются, словно поют осанну жизни. Не такова игра кузнеца Меркулова — со всей кузнечной удачью бьет он в огромный колокол, вкладывая в каждый удар всю свою боль, жалобы и протест против жизни. События, описанные в сюжете рассказа далее — пьянки, драки, увечья, тюрьма — подтверждают справедливость меркуловского взгляда на жизнь и его близость авторской концепции «кошмарной, похожей на дикий сон» (1, 445), «печальной и лишенной смысла» (1, 452) жизни, «в которой нет ничего светлого, к чему мог бы обратиться взгляд» (1, 468).

Счастье и любовь к жизни — редкие вспышки и озарения во мраке тягостного существования героев Андреева. Это может быть неделя каникул для маленького работника парикмахерской, ежедневно таскающего ведра воды и получающего только упреки и оплеухи («Петька на даче»), или ворвавшиеся в палату больницы, в которой из трех больных выживет только один, звуки и запахи весны («Жили-были»), или игрушка на рождественской елке — восковой ангело-

чек, впитавший в себя «все глубокое горе и надежду тоскующей о Боге души» (1, 153), соединивший сердца озлобленного на жизнь мальчика и его уставшего от жизни отца («Ангелочек»). Но каникулы пройдут так же внезапно, как начались, и снова нужно будет возвращаться в парикмахерскую, носить тяжелые ведра и слушать в свой адрес ругань, весеннему солнцу все равно, что двух так любивших его людей больше нет, а восковой ангелочек за ночь растает от жара печи.

На лексико-семантическом уровне противопоставление редкой радости постоянным тяготам человеческой жизни в прозе Андреева выражено и антонимичной парой «мгновение» — «вечность». Мгновение у Андреева обычно выступает решающей, переломной, кульминационной точкой в ходе внешних событий или в разворачивании внутреннего мира, мысли героев. Это всегда изменение состояния, знак возможности другой жизни, надежда на нее.

Лишь «на мгновение видит и понимает всё» (1, 596) обезумевший поп Василий Фивейский («Жизнь Василия Фивейского»), когда, уверив в собственное богоизбранничество и возложенную на него миссию сотворения чуда, пытается воскресить покойника, пугая тем самым пришедших проститься с погибшим людей, заставляя их в ужасе бежать из церкви. Но мгновенное прозрение разума тут же сменяется новым приступом безумия, и священник снова и снова приказывает трупу восстать из мертвых, пока сам не бросится с ужасом из церкви, в безумном отчаянии бежит от людей, от себя, прочь от всего и «в непостижимом слиянии вечной жизни и вечной смерти» (1, 597) падает мертвым. Но, и умерев, Фивейский не находит успокоения. Андреев продлевает его агонию за пределы земной жизни, подчеркивая бесконечность человеческих страданий: «И в своей позе сохранил он стремительность бега; бледные мертвые руки тянулись вперед, нога подвернулась под тело, другая, в старом стоптанном сапоге с пробитой подошвой, длинная, прямая, жилистая, откинулась назад напряженно и прямо — как будто и мертвый продолжал он бежать» (1, 598). Также на один миг «сверкающий огненный ужас озарил» (1, 374) и сознание студента Немовецкого («Бездна»), когда уже внутри него восторжествовало животное начало, и это мгновение открыло перед ним бездну, его поглотившую.

¹ Там же. С. 180.

² Андреев А. Н. В подвале // Андреев А. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Рассказы и повести 1898-1903. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. С. 351.

На миг «я» Сергея Петровича («Рассказ о Сергее Петровиче») «почувствовало себя победителем и испытало безмерную радость торжества смелого духа над слепой и деспотической материей» (1, 248) — в момент принятия окончательного решения о самоубийстве, которому предшествовали бесконечно долгие сомнения, упреки самому себе в трусости и нерешительности. На один миг — миг душевного порыва, горячего объятия — появляется надежда на семейное единство и родственную близость у героев рассказа «В темную даль», но вернувшийся в отчий дом после семилетнего отсутствия молодой революционер Николай не может принять барского образа жизни своей семьи, тяготится материальным благополучием отца, чувствует свою разобщенность с обитателями дома и вскоре вновь уходит из него, чтобы никогда больше не вернуться.

Особенно остро это противоречие выведено Андреевым в рассказе «Красный смех», ярком эмоциональном отклике писателя на Русско-японскую войну, «мучительно найденном ответе на вызов времени»¹. Неустроенность повседневной мирной жизни в военное время превращается в сплошные «безумие и ужас» (2, 37). «Безумие и ужас» — так Андреев открывает своё «экстатическое»², «чрезмерное»³ произведение, и эта формула, в тех или иных словоформах повторяющаяся практически в каждом отрывке «найденной рукописи», становится сквозным лейтмотивом рассказа, объединяющим в ходе повествования мотивы смерти, торжества Зверя в человеке и его жизни, восстания из мертвых, конца света. Рефреном звучит в рассказе и мотив бесконечности кошмаров войны. Дни на фронте сливаются в «один бесконечный, безначальный день» (2, 41), в газетах печатают «бесконечные списки убитых» (2, 87), «бесконеч-

¹ Скорород Н. С. Леонид Андреев. М.: Молодая гвардия, 2013. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр. Вып. 1431). С. 158.

² Терёхина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 61.

³ Иезуитова Л. А. «Красный смех», его литературное окружение, критика, анализ // Иезуитова Л. А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избранные труды. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. С. 145.

ной ледяной иглой» (2, 57) входит в сознание героя стон раненых на поле сражения, «бесконечную нить безумия» (2, 72) плетет в творческом экстазе вернувшийся с фронта офицер, водя сухим пером по листу бумаги, «бесконечное молчание смерти» (2, 87) наступает для матери, потерявшей надежду на возвращение единственного сына. И многократно повторяющиеся «бесконечности» в андреевском тексте соединяются в одну «дурную бесконечность»¹ безумия. Мгновение же выступает в рассказе редкой минутой спокойствия в агонии войны («И этот тихий и дробный стук, напоминающий осень, и запах взмоченной земли, и тишина — точно разорвали на мгновение кровавый и дикий кошмар» (2, 42)), призрачной надеждой на разумное разрешение трагедии, на восстановление и возвращение мирной жизни, секундной галлюцинацией, когда измученный мозг выдает желаемое за действительное: «И вдруг на один безумный, несказанный счастливый миг мне ясно стало, что все это ложь и никакой войны нет. Нет ни убитых, ни трупов, ни этого ужаса пошатнувшейся беспомощной мысли» (2, 89). Но заканчивает Андреев рассказ сценой апокалипсиса: земля, неспособная вместить в себя такое количество убитых людей, начинает выбрасывать трупы на свою поверхность. Спасения нет, у войны не может быть благоприятного исхода.

Так и во многих других произведениях Леонида Андреева «на миг» восходит солнце, «на мгновение» новая мысль озаряет сознание героев, «вдруг» происходит что-то, несущее потенцию изменения привычного алгоритма жизни. Но главный интерес писателя сосредоточен не на этих минутных состояниях, не на впечатлениях момента — его взгляд устремлен в вечное, бесконечное, к которому он вопрошает, которое пытается постичь. Всё мгновенное, временное служит в его ранней прозе тому, чтобы ярче высветить вечную борьбу человека с неподвластными ему силами, обнажить враждебность мира, покорно несущего «тяжелое ярмо бесконечного существования» (1, 134).

¹ Терёхина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 64.

The article provides problematic and motivic analysis of Leonid Andreev's early prose and offers the review of interrelation of the concepts "moment" and "eternity" in his works in the context of writer's attitude to life.

Keywords: *moment, eternity, instant, infinity, life, contrast, conception, motive.*

Об авторе:

ЛУКИН ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ, аспирант Тверского государственного университета.

В.В. САНАЕВА

МГНОВЕНИЕ В ПОЭЗИИ К.М. ФОФАНОВА

В статье анализируются особенности репрезентации мгновения в лирике К.М. Фофанова.

Ключевые слова: *категория времени, мгновение, вечность, К.М. Фофанов, импрессионизм.*

Все творчество К.М. Фофанова, ярчайшего представителя русского предмодернизма, импрессионистично, что позволяет говорить о мгновении как об основной категории его лирики.

Программное стихотворение - эпитафия Фофанова к сборнику «Стихотворения» (1887) «Звезды ясные, звезды прекрасные» - вводит тему двоемирия, традиционную для романтиков, которая станет лейтмотивом творчества поэта. Романтиков «отличает, прежде всего, субъективный пафос творческой деятельности. Воспроизводя определенные сферы жизни, они стремятся выразить свое отношение к ним, воплотить свой эстетический идеал»¹. Фофанов противопоставляет мечту и действительность, идеальный и земной миры, мир поэзии и мир прозы. Звезды - символ чего-то далекого, недоступного, трансцендентного. Они - источник вдохновения и источник самого творчества. Астральный хронотоп довольно частотен в стихотворениях Фофанова: звезды являются символом идеала, символом небесного, высшего мира (стихотворения «Шумят леса тенистые...», «Дрожащий блеск звезды вечерней...», «Что ты сказала, я не расслышал...»). Рассказанные ими цветам и ветрам «сказки нежные» наполняют душу поэта, он выступает посредником между миром прекрасного, природой и земным бытием. Только поэт, по Фофанову, способен запечатлеть мгновение, запечатлеть «земли, волны и утесы». А сам образ поэта создан по типу романтического героя, близкого А.С. Пушкину и М.Ю. Лермонтову, вынужденного жить в двух мирах:

У поэта два царства: одно из лучей
Ярко блещет — лазурное, ясное;

¹ Вопросы романтического метода и стиля: Межвуз. темат. сб. науч. трудов. Калинин, гос. ун-т; Редкол.: проф. Н.А. Гуляев и др. Калинин, 1978. С. 3.